

во яз тебѣ белыхъ грудей вскоре,
Иван, не спорю, что ты скоро не
спорол у меня. И привязал он
Ивана ко сыру дубу кряковисту,
сам пошел, царицо поганое,
к красной Настасьѣ Дмитриев-
вне опочиѣ держать в бѣлой
шатер. По божье было по ми-
лости, а молоду Ивану по счя-
стию издавеча поля чистово

(л. 24 об.)

прилѣтали два голубчика
малешенки, садилися на тот
сырой дуб. Выходил царицо
из бела шатра, имал Иванов
тугой лук и стрѣлял по тѣм
малым голубкам. Взвилася та
высоко калена стрела под о-
блаки и пала та калена съ-
трѣла поганому царицу в голо-
ву и раскололо ему буйну главу
против сердца ретивово, и уда-
рило его о сыру землю ма-
терую. Выходила Настасья
красная из своего бѣла шатра,
сама зговорит таково слово:

(л. 25)

Охти яз, молода, согрѣшила,
от берегу отстала, а к другому
не пристала. Възмолища ей
Иван Годиновичъ: ой еси ты,
красна Настасья Дмитриев-
на, отвяжи ты меня от сыра
дуба кряковистого, а яз те-
бя не стану ни бить ни мучить,
толко лиш тебѣ поучение
дам, как мужи жен учят.
Отвязала молода Настасья
красная Ивана от сыра дуба.
Пришел Иван Годиновичъ к На-
стасье в бѣлой шатер, имал
свою сабелку булатную осьѣтрую,

(л. 25 об.)

сѣчет Настасье по колѣн но-
ги и руки по локот сѣчет, сам гово-
рит таково слово: тѣ мнѣ руки
и ноги ненадобет, которые